

Отзыв

оппонента о диссертации

Федоровой Ирины Олеговны

«Управление процессом интеграции мигрантов в принимающее сообщество Санкт-Петербурга» представленной на соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности
Специальность 22.00.08 - Социология управления

Диссертация И. О. Федоровой посвящена одной из важнейших проблем современного российского общества – управлению процессами интеграции мигрантов в принимающее сообщество Санкт-Петербурга. 5-ый экономический уклад (1920-2010) с его трендами мобильности (увеличением скорости связи и перемещений в географическом пространстве), глобализации, индивидуализации производства и потребления интенсифицировал процессы трудовой миграции по всему миру. После распада СССР, результатом которого стал процесс образования на месте содружества советских социалистических республик новых независимых государств, изменилась не только политическая карта России, но и система хозяйственных, экономических и социально-политических отношений с народами, которые на протяжении 70-ти лет представляли основу единого советского государственного «организма» – советский народ. Не секрет, что экономика в новообразованных государствах сегодня претерпевает определенные негативные изменения, что способствует стремлению граждан этих государств искать способы повысить своё материальное благополучие за границей, в частности, в России, а это, в свою очередь, интенсифицирует процессы трудовой миграции (2010-2018). Востребованность в рабочей силе, особенно в сфере неквалифицированно труда, в крупных российских городах и мегаполисах, одним из которых, является Санкт-Петербург, постоянно увеличивается. Одной из причин тому - старение населения. Но есть и другая, более актуальная причина увеличения числа трудовых мигрантов, а именно: зависание мировой экономики, и экономики России, в частности, между 5-м и 6-м экономическими укладами. Если в высокотехнологичных отраслях энергетики, промышленности и сельского хозяйства 6-ой экономический уклад обеспечивает почти вертикальный тренд сокращения доли

человеческого труда (например, если раньше производство телевизора требовало сотни человеко-часов работы разных специалистов, то при 6-ом экономическом укладе телевизор штампует 3D принтер за полчаса), то при 5-ом экономическом укладе востребованность в рабочих руках в сфере услуг или строительстве остаётся прежней, если не возрастает. Сегодня в России, прерванный эпидемией Covid-19, процесс трудовой миграции в ближайшее время быстро восстанавливается и набирает обороты. В связи с этим возникает множество серьезных проблем адаптационно-интеграционного и социально-коммуникативного планов, а именно: проблем взаимоотношений населения принимающей трудовых мигрантов стороны и разных по системам культурных кодов групп трудовых мигрантов. Именно эта группа острых проблем кросс-культурной и социально-психологической коммуникации определила актуальность диссертационного исследования И.О. Федоровой.

Несомненными достоинствами работы являются следующие:

1.Тщательно проработанная теоретико-методологическая база исследования, вдумчивый анализ вклада зарубежных ученых в теорию трудовой миграции (с. 21-22), который суммирован автором в хорошо структурированной таблице (с. 31); анализ вклада отечественных исследователей в разработку теории миграций в целом, так и в конкретный её аспект – трудовую миграцию. При этом стоит упомянуть, что автор настоящего диссертационного исследования ещё в студенческие годы не только проявила интерес к исследованиям трудовой миграции в Санкт-Петербурге, отношению населения принимающей стороны к трудовым мигрантам 3-х этнокультурных групп, но и провела самостоятельное научное исследование.

2.Автор выделила два типа сред, в которых происходят процессы интеграции трудовых мигрантов в общество принимающей стороны (Санкт-Петербург): социально-административную и социально-психологическую. Она подробно описала характеристики этих сред (с.71), а также выявила те противоречия административного и юридического планов, которые формируют системы рисков для трудовых мигрантов в этих средах.

3.В диссертации автором приведены, составленные ею на основании эмпирического исследования: 1) социально-профессиональный и 2) этнический портреты социальных групп трудовых мигрантов. Эти портреты позволили автору диссертационного исследования выявить и описать культурные коды трёх групп сообществ трудовых мигрантов (восточно-

европейской, кавказской и центральноазиатской/среднеазиатской). По мнению И.О. Федоровой, жесткое следование этим системам культурных кодов (т.е. культурным кодам общества, отправляющего трудовых мигрантов) порождает основную массу проблем социально-коммуникативного и социально-психологического планов, препятствующих процессам успешной интеграции трудовых мигрантов в общество принимающей стороны.

4. Убедительной выглядит обоснование выборки, составленной автором диссертации для проведения эмпирического исследования, а также комплексная методика этого исследования. Сочетание количественных и качественных методов эмпирической работы создало объёмную картину, подтверждающую верность выводов диссертационного исследования.

5. Особый интерес представляет вывод автора относительно соотношения вклада в позитивные интеграционные процессы «старых» и «новых» диаспор Санкт-Петербурга, а именно: «...утраты этнокультурной целостности диаспоры и дифференциации по внутренним группам на основе принадлежности к различным регионам и времени исхода, а также новым спектром задач – диаспоры вынуждены восстанавливать позитивный имидж в условиях проявления межэтнических конфликтов» (с. 86).

6. Несомненную важность имеют выводы автора диссертационного исследования о причинах, сути и способах развенчания мифов о трудовой миграции, которые существуют в общественном сознании населения принимающей стороны (жители Санкт-Петербурга). Интересным представляется анализ сущности и способов формирования этой мифологии, которые «работают» в системе общественного мнения и мультиплицируются средствами СМИ (с.84).

7. Не менее интересной является разработка автором диссертационного исследования вопросов социальной дистанции, оценка разными группами трудовых мигрантов своего социального статуса, а также оценка этого же статуса представителями общества принимающей стороны. Немалым достоинством работы стала разработка автором индикаторов счисления степени интеграции мигранта в общество, адаптивности, социальной дистанции, а также самооценки и самоидентификации (с. 97).

Наряду с перечисленными несомненными достоинствами диссертационного исследования И.О. Фёдоровой, в работе имеются некоторые недостатки:

1. Социальное управление, включая управление процессами интеграции трудовых мигрантов в общество принимающей стороны – Санкт-Петербургского сообщества, это восприятие. Иными словами, это способ понимания властными структурами действительности, её структурирования. Общество – это сложная система. Так видится общество с точки зрения системного подхода (о котором автор вообще не упоминает в теоретико-методологическом разделе диссертации). В своих теоретико-методологических ориентирах автор диссертационного исследования остается на позициях бихейвористской концепции социума. С позиций этой концепции, общество принимающей стороны, и включенные в него социальные группы трудовых мигрантов – это объект управления, на который управляющее воздействие действует спонтанно: ткнул «управленческий палец» в систему – она «завизжала». Риски в такой управленческой деятельности в таком случае сводятся к тому, что в один прекрасный момент система может не «завизжать», а «дать молотком по управленческому пальцу». Снизить эту риск, по мнению автора диссертации может внимание властей, ответственных за интеграцию трудовых мигрантов, внимание к результатам опросов общественного мнения.

К сожалению, в диссертационном исследовании И.О. Федоровой остались не проработанными управленческие технологии, описанные автором, хотя бы и с позиций бихейвористской концепции управления процессами интеграции трудовых мигрантов в общество современного мегаполиса (Санкт-Петербурга). При этом стоит указать, что управленческие технологии процессами интеграции трудовых мигрантов в общество современного мегаполиса, описанные с позиций бихейвористского подхода – это технологии, свойственные переходному этапу от 4-ого к 5-ому экономическому укладу. Выводы диссертационного исследования, включающие рекомендации для властных структур, управляющих процессами интеграции трудовых мигрантов в современном мире, должны включать прогностический элемент, а именно: управленческие технологии в этой части работы стоило бы описать уже с позиций более современного, чем бихейвористский, системного подхода, а, возможно, даже и мисистемного подхода (М. Кастельс – Э. Валлестайн), и назвать перспективные и позитивные социальные технологии управления процессами трудовой миграции.

В итоге, так и остались не выявленными и не описанными конкретные методы управления процессом интеграции трудовых мигрантов в общество принимающей стороны – Санкт-Петербургское сообщество. Автор ограничилась общими фразами, описывая управленческий процесс в этой

сфере управления современным российским обществом, а именно: управление интеграцией трудовых мигрантов как «оказание услуг помощи семьям мигрантов (с. 161), как «прививание школой детям мигрантов основ культуры местного общества» (с.163), как «борьба с нелегальной миграцией (с. 174), как «совершенствование социальных механизмов управления интеграцией трудовых мигрантов в социальную, экономическую и культурную жизнь мегаполиса» (с. 184). Это перечисление сфер социальной работы с трудовыми мигрантами явно недостаточно не только для выводов (с.208) по проделанной исследовательской работе, но и как перечень рекомендаций для властных структур, в зоне ответственности которых находится управление интеграцией трудовых мигрантов в общество принимающей стороны. По сути дела, это общие фразы, в которых отсутствует даже намёк на хоть какую-то конкретику, базирующуюся на проведённом автором эмпирическом исследовании.

2. Несмотря на несомненно большую работу, проделанную автором по выделению трёх крупных этнокультурных кластеров трудовой миграции в Санкт-Петербурге (восточно-европейский, центрально и среднеазиатский и Кавказский), к сожалению без указания на монографические исследования предшественников (например: Окладникова Е.А. Глобализация, этничность, мобильность: "желательные" и "нежелательные мигранты" в нарративах жителей мегаполиса Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрыжки и трансграничье//Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2016, с.114.), недостаточно проработанным являются: 1) списки культурных кодов по выделенным автором этническим группам внутри этих крупных кластеров трудовых мигрантов и 2) содержание списков этих культурных кодов. Указание на то, что в сообществах трудовых мигрантов, прибывающих из стран Средней и Центральной Азии, действуют установки крестьянско-патриархального общества на большую семью, явно недостаточно. Содержание культурного кода конкретной социальной группы трудовых мигрантов оказывают решающее влияние на процесс их интеграции в сообщество принимающей стороны. Как известно, списки культурных кодов разных народов мира в трудах зарубежных исследователей XX в. (М. Мид, Г. Хофштеде, Г. Триандиса, Э. Холла) были обобщены по релятивистскому принципу, т.е. как «отношение конкретных этносоциальных групп к...». Например, Маргарет Мид, описывая культурные коды народов Тихоокеанского круга с точки зрения интеграции и адаптации (т.е. социальной адаптации) разных половозрастных групп населения Тробрианских островов разделила культуру этих народов на прекофигуративные, кофигуративные

и постконфигуративные. Если бы И.О. Фёдорова проделала эту работу, применив наработки англо-американских функционалистов начала XXв. к описанию культурных кодов трудовых мигрантов, она бы могла прийти к выводу о том, что Среднеазиатский и Центральноазиатский кластеры трудовой миграции демонстрируют явные преконфигуративные культурные характеристики и с большим трудом, попав в условия европейского мегаполиса, переходят к кофигуративности. Восточно-европейский кластер трудовой миграции – это люди конфигуративной культуры. Их дети, при условии ускоренности в культуру Санкт-Петербурга, легко в ближайшем будущем перейдут к постконфигуративному типу культуры. Такой анализ процессов трудовой миграции позволил бы автору перейти к прогностике, т.е. нарисовать современное состояние процессов ирригации трудовых мигрантов в общество принимающей стороны, а главное, определиться в методах управления этими интеграционными процессами, а не ограничиваться общими высказываниями о том, что управление интеграцией трудовых мигрантов надо совершенствовать за счёт изменения законодательства, администрирования и т.п.

3. Довольно странно, что автор теоретико-методологической части диссертационного исследования не обратила внимание на монографическое исследование Дж. Урри «Мобильности» (2012), в котором описан образ современного европейского общества в контакте миграционных процессов. К сожалению, автор диссертации так же не уделила внимания и типологии культурных изменений Г. Хофштеде. Г. Хофштеде не занимался вопросами трудовой миграции. Но сфера его интересов касалась проблем интеграции инокультурных по отношению к американской культуре сотрудников сферы услуг (рестораны быстрого питания) или работники заводов фирмы IBM в американскую производственную культуру. По сути дела, Г. Хофштеде дал американским администраторам ключи к пониманию, как наиболее эффективно интегрировать социальные группы работников – носителей чуждых американской культуре культурных кодов в американскую производственную (корпоративную) культуру. Если бы автор диссертации наложила модель считывания и корректировки культурных кодов, разработанную Г. Хофштеде на своё описание культурных кодов трудовых мигрантов Санкт-Петербурга, возможно ей бы удалось сделать более конструктивные и конкретные рекомендации по управлению процессами интеграции трудовых мигрантов трёх этнокультурных кластеров трудовой миграции Санкт-Петербурга.

5. К числу незначительных «огрехов» работы стоит отнести опечатки в тексте диссертации (с. 48, с. 49, с. 62).

Указанные недостатки не снижают научную и социальную значимость проделанной автором работы. И.О. Фёдорова внесла свой весомый вклад в разработку одной из наиболее острых социальных проблем современной России, а именно: в изучение трудовой миграции в крупной российской мегаполисе.

Диссертация полностью выполнена в соответствии с требованиями ВАК РФ. Обоснованность и достоверность результатов исследования подтверждается их верификацией эмпирическим исследованием. Выносимые на защиту положения согласуются с современными концепциями и теориями отечественных и зарубежных исследователей о предмете диссертационного исследования. Тема диссертации полностью соответствует паспорту специальности «22.00. 08 – Социология управления» п. 6 «Факторы, детерминирующие управленческое поведение индивидов в социальных структурах и организациях» п.15 «Проблемы эффективности управленческой деятельности», п.18 «Социальная программа как область реализации управленческих ресурсов», п.29 «Социологическое информационно-аналитическое обеспечение управленческого процесса».

Вывод:

И.О. Фёдорова заслуживает искомой ею степени кандидата социологических наук по специальности «22.00. 08 – Социология управления».

Доктор исторических наук,
профессор кафедры социологии,
Институт истории и социальных наук
РГПУ им. А.И. Герцена

Окладникова Е.А.

РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА

подпись

удостоверяю 08.11 2010 года

Отдел персонала и социальной работы
управления кадров в социальной работы

Ведущий документовед
отдела персонала
и социальной работы
В.В. Рубинчик